

Максим В. КИРЧАНОВ

Государственный Воронежский Университет, Россия

Проблемы дискурсивного и воображаемого в современной мировой политике

Несостоявшийся конец истории. Проблема «конца истории» неоднократно обсуждалась европейскими, американскими и российскими авторами (Жубара, 2005), которые придерживались различных методологических позиций, но политическая динамика современности свидетельствует о том, что история не закончилась. Прогнозы скептиков и либералов не оправдались: история не закончилась в конце XX века с падением Советского Союза и связанных с ним коммунистических восточно- и центральноевропейских государств, не заканчивается она и в XXI столетии, в тени очередной волны политических революций, смены политических режимов, религиозных и этнических конфликтов. На смену истории, которая имеет склонность быть национальной, не пришли универсальные ценности прав и свобод человека, принципы демократии не заменили национальные интересы, а международные противоречия не стали достоянием истории в тени мудрого управления и руководства со стороны мирового правительства. Не оправдались как прогнозы либеральных оптимистов-идеалистов, так и консервативных пессимистов-традиционалистов. Конец истории оказался явлением в большей степени воображаемым, нежели прогнозируемым.

Политические события 2013–2014 годов в Украине, которые привели к территориальным изменениям в Восточной Европе, и порожденный ими актуальный «украинский кризис», вероятно, могут быть отнесены к тем процессам, которые определяют повестку дня в современной мировой и региональной политике. Значимость этих событий очевидна, практически все мировые, региональные и национальные СМИ в той или иной степени вынуждены эти процессы отражать, комментировать и анализировать. Констатировать актуальность их изучения, вероятно, бессмысленно в силу того, что эта актуальность очевидна по той причине, что ситуация в Украине характеризуется чрезвычайным динамизмом, а перспективы и на-

правления развития региона и имеющих там место трансформаций остаются неясными. Но подобная актуальность и широкое отражение этой проблематики в СМИ содействует росту идеологически и политически выверенных интерпретаций. В подобной ситуации очередная украинская революция стала не только очередной украинской революцией, но и ареной для идеологического противостояния и связанной с ними мифологизации и идеологизации тех международных и региональных процессов, стимулом для начала которых стали именно украинские события.

Актуальная международная повестка дня. Суммируя и весьма схематично выделяя наиболее обсуждаемые темы, связанные с украинской проблематикой, вероятно, следует очертить круг тех вопросов, о которых речь пойдет ниже, хотя попытки ревизии устоявшихся подходов к мировой политике и теориям международных отношений имели место и ранее (Creutzfeldt, 2013b; Schouten, 2008b). Формируя этот своеобразный short list, автор признает не только его спорность и дискуссионность, но также условность и некую искусственность. Эти вопросы, поставленные на мировую повестку дня очередной украинской революцией, могут быть сведены к нескольким пунктам, а именно:

- потерпел ли крах политический проект государственного национального строительства на постсоветском пространстве или национализм в его разных формах, вариациях и модификациях и впредь будет оставаться среди ключевых тем в мировой повестке дня, в особенности – в контексте актуальных территориальных изменений, связанных со вхождением Крыма в состав Российской Федерации, прецедентный характер, то есть возможны ли новые пространственные трансформации в условиях предложения новых воображаемых политических географий пространства?
- означает ли это новейшее территориально приращение России возвращение эпохи весьма условных империй и, если да, то какие страны, пока играющие вторые или третьи роли в мировой политике, могут на подобный статус в перспективе претендовать – иными словами, каким образом изменятся формальные и неформальные приписываемые и признаваемые, в значительной степени воображаемые статусы США и РФ в рамках международного сообщества, то есть являются ли они сверхдержавами или обречены на то, чтобы оставаться или стать региональными державами?

- свидетельствуют ли новейшие тенденции в политической риторике о возвращении периода империй, или это не более чем сознательно продвигаемый лингвистический дискурс, призванный обслуживать и легитимировать политические статусы и обслуживающие их политические традиции и ритуалы?
- каким образом изменится или сможет измениться воображаемая политическая география современного пространства, то есть будет ли оно и впредь существовать в форме универсального исторического соперника империи – национального государства – или окажется подверженным новым изменениям в различных (уже существующих) формах и процессах (также уже объективно имеющих место) регионализации, глобализации или глокализации?

Итак, предварительный и весьма условный перечень вопросов, связанных с актуальными международными процессами сформулирован. В дальнейшем настоящая статья будет построена как ответ или комментарий на эти сформулированные выше вопросы и связанные с ними проблемы.

Мир без национализма: несостоятельная либеральная иллюзия. Прогнозы об отмирании национального государства в современном мире являются только прогнозами, которые, как правило, подкреплены идеологически, но лишены реальных оснований. Проект национального государства не потерпел крах, на современном этапе национальное государство как нельзя далеко от той критической точки, переход которой мог бы в перспективе завершиться крахом именно национального государства как универсальной формы политической организации мира и выдвижением иных, альтернативных проектов. Необычайная жизнеспособность и адаптивность национального государства проявляется и в значительной активизации национализма как его идейного основания, бэкграунда и фундамента. Национализм и национальные государства не отмирают – они только трансформируются и адаптируются к новым реалиям.

Национализм – это уже не только собственно отдельные и независимые государства наций, это не только националистические партии и движения, это не только радикальные и экзальтированные адепты крайнего национализма в его этнических и радикальных проявлениях. Все эти признаки и формы национализма важны, но в современном мире они носят вторичный характер. Современный мир переживает очередную националистическую волну, которая, в отличие от более ранних национальных и националистических

ренессансов, протекает не под знаменами и лозунгами национальной независимости и права на самоопределение, но протекает в виде усиленного воображения, предложения и продвижения новых идентичностей, которые могут носить и нередко носят альтернативный характер, ставя под сомнение уже сложившиеся идентичности и отказывая уже существующим нациям в легитимности как слишком традиционным и чрезвычайно формализованным.

«Нация как ежедневный плебисцит»: оффлайн, онлайн, далее – везде. Новые идентичности и стоящие за ними потенциальные нации, или потенциально новые идентичности с еще несложившимися нациями стали следствиями (или могут таковыми стать) размывания и эрозии политики и политического в их традиционном понимании. В подобной ситуации постепенно начинает размываться и канон ортодоксальных теорий международных отношений, вследствие чего на смену классических школ приходит ситуация почти всеобщего «аналитического эклектизма» (Schouten, 2008a). В современном мире нации и национализму, идентичности и националистически ориентированным интеллектуалам не столь нужны и не так жизненно необходимы политические партии, движения и даже национальные государства. Новые нации и новые идентичности в современном мире весьма успешно существуют и без таких традиционных и порой архаичных форм как национальное государство.

Идентичность, ее успех, ее развитие и продвижение, адаптивный потенциал зависят все больше и больше от процессов виртуализации, ее представленности в новых онлайн-овых, а не оффлайн-овых, пространствах, ее интегрированности в социальные сети. Успешное сообщество «ВКонтакте» или в «Facebook» могут принести больше результатов, чем традиционные формы оффлайновой политической активности. Развитие нации и успех идентичности могут определяться не оффлайн, а количеством лайков и просмотров, количеством подписчиков или членов того или иного сообщества одной из социальных сетей. В этом отношении виртуализация нации и идентичности актуализирует тезис, предложенный Э. Ренаном, о том, что нация есть «ежедневный плебисцит» (цит. по: Простаков, 2013).

Из всех возможных миров: незавершенность воображаемых географий. Характер новейших территориальных изменений в Восточной Европе носит дискуссионный характер. Вероятно, они необратимы, по крайней мере – в ближайшей исторической перспективе. Утратив Крым, Украина утратила не только 27.000 квадратных

километров, но регион, который политически и культурно, в языковом и национальном плане не только не был интегрирован в украинское пространство, но и существенно тормозил, замедлял процесс его трансформации из постсоветского пространства-территории в то, что может быть определено и воображено как национальное государство. Территориальные изменения, связанные с Крымом, могут носить прецедентный характер, что не совсем осознается некоторыми представителями российского интеллектуального и экспертного сообщества.

Этот факт ими осознается, точнее – воспринимается и интерпретируется весьма односторонне, в российскоцентричной системе координат, то есть предполагается, что и другие регионы/территории других постсоветских государств могут войти в состав Российской Федерации. Этот стереотип не только наивен, но и опасен в силу своего мобилизационного потенциала, а также почти полным игнорированием на его фоне тех многочисленных проблем, с которыми сталкивается Российская Федерация в силу того, что пересмотр границ по крымской инерции может носить не только пророссийский характер, но потенциально может привести к фрагментации того воображаемого (не совсем и не всегда удачно) политического пространства, которое известно как «Россия».

Современная политическая география не является статичной и устойчивой. Политически географически ревизионизм может стать актуальным вызовом, в том числе и для больших пространств, которые не только подвержены регионализации, но чье развитие и функционирование характеризуется реально существующими значительными региональными диспропорциями и противоречиями. В подобной ситуации вопрос появления новых альтернативных воображаемых политических географий пространства, институционализации новых пространств в форме регионов в процессе регионализации, глобализации или глокализации становится вопросом времени.

Есть региональная держава: эрозия символического авторитета США на международной арене. Вопрос о воображаемом, символическом и приписываемом статусе современных государств актуализировал Президент США Б. Обама, который в одном из своих выступлений определил Россию в качестве «региональной державы» (regional power). Единого определения «региональной державы» не существует. По мнению западных исследователей, региональная

держава должна обладать несколькими характеристиками, а именно: быть частью определенного региона со своей идентичностью, оказывать влияние на процесс принятия и реализации решений относительно региона своей локализацией; сама позиционировать себя в качестве региональной державы, обладать более выраженными по сравнению с соседними государствами военными, политическими, экономическими, географическими преимуществами, быть в значительной степени интегрированной в тот или иной регион, принимая принципиально важные для него решения в политической и экономической сфере, быть признаваемой в качестве региональной державы другими государствами (Flemes, 2007; Kappel, 2010).

Комментируя позицию РФ в отношении событий в Украине, Б. Обама, ранее поставивший под сомнение утверждение своего оппонента Митта Ромни о том, что Россия является «геополитическим врагом номер один», заявил, что «Россия – это региональная держава, которая угрожает своим непосредственным соседям не из-за силы, но из-за слабости» (Blake, 2014). В то же время относительно США американский Президент косвенно признал также их региональный статус: «обычно у нас нет необходимости вторгаться к нашим соседям, чтобы иметь с ними тесные взаимоотношения» (*«Россия угрожает...»*), хотя и развивал символически важный для американской идентичности и политического воображения нарратив о том, что именно США являются «самым мощным государством в мире» (McDonald-Gibson, 2014). При этом, две приведенные выше цитаты, имеющие отношение к России, следует разграничивать. Если в отношении РФ американский лидер может быть вполне серьезным в своем стремлении доказать ее региональный статус, то признание подобного статуса за США носит в большей степени вынужденный характер, хотя американские элиты не склонны столь невысоко оценивать символический капитал и место страны в воображаемой политической географии современного пространства.

При этом, часть западных интеллектуалов ставит вопрос о размывании и постепенной эрозии статуса США как сверхдержавы и трансформации в региональную державу. В частности Амитай Этциони указывает на процесс постепенной деформации американского доминирования, его частичного ослабления, что связано с экономическими трудностями США (Etzioni, 2013). Трансформации США в направлении региональной державы, утрате статуса единственной сверхдержавы содействуют одновременно протекаю-

щие процессы регионализации и глобализации, которые не только ослабляют старых, традиционных мировых лидеров, но содействуют выдвиганию новых, потенциальных лидеров развития и роста, представленных как государствами (Китай, Индия, Бразилия), так и интеграционными объединениями (ЕС).

Почувствовать себя Америкой: российское бегство от регионализма. Позиция американского Президента вызвала ответную реакцию со стороны российских СМИ, которые активно начали обличать американского лидера, обвиняя его в предвзятости и необъективности. Стимулом для столь категорических суждений Б. Обамы и наделения России новым символическим статусом в том, пространстве, воображаемая география которого создается вне пределов региона стали действия РФ, связанные с вводом российских войск в Крым. В связи с этим Б. Обама подчеркнул, что «тот факт, что Россия почувствовала необходимость ввести войска и продемонстрировать неприкрытые нарушения международного права, свидетельствует о снижении, а не об увеличении влияния» (*Обама: «Региональная держава»...*). В этом контексте уместна историческая параллель с тем состоянием, в котором пребывали США в XIX столетии, отторгая и аннексируя территории Мексики. Фактически в XIX веке США могли рассчитывать только и исключительно на статус региональной державы, чье влияние было ограничено Северной и Южной Америкой. Параллель РФ XXI века с США XIX столетия, конечно, сомнительны и дискуссионны, но все же допустимы, особенно – в контексте размывания статусов США и РФ, а также их общей спорности и неопределенности.

Российская реакция на высказывание Президента США была, разумеется, негативной. Один из политических комментаторов П. Акопов и вовсе категорически заявил о том, что «Альтернативы – быть глобальной державой или региональной – для России на самом деле просто не существует: отказавшись быть глобальной, мы сначала перестанем быть региональной, а потом и просто самостоятельной державой. Именно осознание этого и определяло всю политику Путина последние 10 лет, а в прошлом году привело его к тем шагам, которыми он продемонстрировал глобальный статус России» (Акопов, 2014). При этом во внимание следует принимать и воображаемость самого концепта глобальности для страны, чье политическое и экономическое присутствие заметно в мире, но носит не институциональный и, поэтому, не институционализированный,

а исключительно ресурсный характер, что может содействовать редуцированию глобальности до региональности, но это предположение, впрочем, в такой же мере справедливо и в отношении США.

Международные отклики в СМИ на высказывания американского Президента оказались разнообразными. Часть европейских аналитиков пришла к заключению, что «если Путин станет себя вести еще агрессивнее, европейцы, может быть, смирятся и введут по-настоящему жесткие санкции, но действовать они будут медленно. А про Путина мы за прошлый месяц узнали, что он действует быстро. За несколько недель он отпил от Украины Крым и приклеил его к Российской Федерации. Он запугал и унизил еще не вставшее на крыло проевропейское правительство в Киеве... весь мир вынужден гадать, каковы его планы по восстановлению Российской империи» (Dickey, Detmer, 2014). В этом контексте заметна иная крайность в восприятии России: если часть политиков склонна видеть в РФ региональную державу, то другие, наоборот, преувеличивают ее опасность, видя в территориальных трансформациях в Восточной Европе проявление имперских амбиций со стороны Москвы. Если таковые имеют место, то они носят исключительно воображаемый характер в мире, в котором время континентальных империй в их классической и исторической форме прошло. За воображаемыми имперскими потугами и амбициями РФ сокрыты не мощь и потенциал (которые имеют место быть), а кризисные тенденции, связанные с неспособностью элит отказаться от экономики монокультуры, что неизбежно содействует эрозии воображаемого и реального политического потенциала России и, как следствие, ее трансформации из потенциально влиятельной или действительно влиятельной одной из стран постсоветского пространства, к мнению которой прислушались, в одну из многочисленных региональных постсоветских стран.

«Имперские иллюзии и мифы» vs «вызовы и бремя регионализации». Преимущества от очередного обретения Крыма столь же спорны и дискуссионны, как и очевидны. Рост территории стал стимулом для роста политической активности, которые некоторые авторы пытаются воображать как возрождение русского патриотизма, плавно впадая в культивирование нарративов об имперскости, особом и уникальном пути России. И империя, и особый путь – все это воображаемые категории, отягощенные как историческим и политическим опытом, так и объективными неудачами в политическом развитии в XX веке, которые появились в распаде Российской

Империи и Советского Союза. В этом контексте рост политической активности националистов имперского толка в России очевиден и вполне объясним инерционной моделью развития национализма и идентичности, отсутствием нации в ее западном гражданском и политическом понимании.

В условиях слабости нации весьма соблазнительно, с одной стороны, искать панацею от существующих проблем в империи и имперской идее, но, с другой стороны, следует помнить, что эпоха империй завершилась с окончанием первой мировой войны и конец им положила целая серия европейских революций, которые утвердили национальные и национализирующиеся государства в качестве универсального компонента воображаемых политических карт и новых географий европейского пространства. В условиях подобных трансформаций Европа и Запад как воображаемые географические и политические концепты могут утратить роль (тоже воображаемую, точнее – приписываемую) центра (также воображаемого), уступив ее новым внешним, неевропейским (возможно не только географическим, но и культурно-политическим) внешним центрам экономического роста и развития и, как следствие, принятия политических решений. Актуальные для современного этапа мирового развития периферийные регионы или регионы, которые пока не в состоянии монополично принимать политические и экономические решения, воображать и трансформировать политическую и экономическую географию пространства для себя и под себя, в перспективе могут утратить свой региональный статус, передав статус региональных держав востребованным центрам, которые в качестве таковых не только собой воображаются, но и признаются мировым сообществом, в большинстве своем состоящим из региональных государств и зависимых от них периферий и полупериферий.

Эти вопросы, о которых речь шла выше, и попытки ответа на них, точнее – их развернутого комментария, носят субъективный характер. Поэтому, в зависимости от идеологических (условно патриотических или не менее условно либеральных) или методологических (неомарксистских, реалистских, модернистско-конструктивистских и прочих), теоретических предпочтений исследователя, его научного и профессионального (исторического или политологического) бэк-граунда они могут быть не только конкретизированы, изменены, уточнены, но и сформулированы совершенно иначе. Итак, обратимся непосредственно к тем проблемам, которые нами были заявлены выше.

Международная политика как дискурс. Современная политика может быть проанализирована в категориях дискурса, что успешно реализовано некоторыми западными исследователями (Creutzfeldt, 2014; Schouten, 2012). Основные проблемы современной мировой политики связаны с процессом эрозии или постепенного размывания более ранних традиционных ролей, которые приписывались отдельным акторам международных отношений. Подобные роли и символические статусы, с одной стороны, могут приписываться политическими элитами и интеллектуальными сообществами тем государствам, которым они формально и номинально принадлежат. С другой, такие же статусы, но в несколько иной системе координат, приписываются элитами одних государств политике других конкурирующих с ними стран. В этом отношении современная международная система функционирует как воображаемый и изобретенный конструкт. Такая ситуация является отдаленным следствием неформального политического компромисса начала 1990-х годов, связанным с распадом Советского Союза и изменением воображаемого статуса США в мировой политике.

Поэтому международные отношения 1990–2010-х годов развиваются нередко как дискурсивные, то есть базирующиеся на конкуренции и противостоянии основных акторов международных отношений не на основании их реальных экономических и политических потенциалов, но в контексте воображаемых и приписываемых статусов и ролей. Подобная ситуация характеризуется доминированием той или иной версии политического воображения, которая нередко развивается исключительно в европейской или в западной системе координат, основанной на игнорировании неевропейских или в более широкой перспективе незападных акторов международных отношений. Поэтому, критические интерпретации и попытки неевропейской ревизии (Creutzfeldt, 2013a) подобного изобретенного и воображаемого мира международных ролей остаются, как правило, незамеченными и игнорируемыми. Программные и прочие речи мировых лидеров современного мира – Барака Обамы и В. Путина – не более чем лингвистические упражнения в воспроизводстве официально принятого и поддерживаемого дискурса, а также связанных с ним политических традиций и ритуалов. В подобной ситуации статусы США и РФ как единственных сверхдержав, попытки объявить или вообразить весь мир или постсоветское пространство как сферу собственных политических интересов, представляют собой формально

реальные политические процессы, являясь не более чем попытками политического воображения и конструирования пространств международных отношений в соответствии с канонами того или иного проекта.

Дискурс политической антропологии: кризис имперского тела.

Наполненные оптимизмом либеральные прогнозы о всеобщем триумфе демократических принципов и ценностей так и остались иллюзией. События 2013/2014 годов в Украине, наоборот, актуализировали, казалось бы, не очень актуальные для современной Восточной и Центральной Европы проблемы – национализм, национальное самоопределение, вызовы новых потенциальных империй, столь усиленно демонизированных и вытесняемых из исторической памяти восточноевропейскими нациями.

Итак, очередная украинская революция, кажется, имеет шансы стать действительной, настоящей революцией, или хотя бы ее успешной имитацией, так как в 2013/2014 году Украина, подобно центральноевропейским странам, предприняла попытку радикального отказа от своего советского политического наследия, которая на настоящем этапе так и остается попыткой, будучи лишь заявкой на революционные изменения. Эта попытка Украины встретила почти одинаковое непонимание и порой недоумение как на Западе, так и в России. Непонимание со стороны Запада стала следствием элементарной неготовности, чрезмерной уверенности в универсальности и всеильности неких абстрактных ценностей. Иными словами, западные страны не ожидали от Украины столь последовательной и радикальной решительности в попытке стать частью Европы, что носило в значительной степени символический характер, проявившись в активизации приписываемых и воображаемых идентичностей. То, что было вполне естественно и предсказуемо, например, в Польше или в Латвии, казалось в Украине просто нереальным и невероятным. Именно поэтому столь радикальная поспешность, с которой условно новые политические элиты Украины попытались избавиться от советского наследия, стала для Запада неожиданной и неприятной.

Столь же значительное неудобство в контексте украинских событий испытали и российские политические элиты, значительная часть которых не воспринимает Украину в качестве независимого международного актора. Укратинофобия определенной части российского политического класса успела стать общим местом многочис-

ленных публикаций, а новейшие трансформации языка российских СМИ, которые содействуют демонизации украинских образов, также уже оказались в центре определенного числа штудий – поэтому в настоящем контексте не имеет смысла останавливаться на этих проблемах детально. Для нас более важным представляется то, что украинские события актуализировали не только незавершенность русского/российского национального проекта, но и ущербность его реализации в рамках условной (нео)имперской модели.

Информационная война, дебаты в российских СМИ актуализировали вовсе не любовь к братскому украинскому народу, но страх элит и обслуживающей их части интеллектуального сообщества перед дрейфом украинского проекта в качественно ином направлении, чем то, которое пытаются задать некоторые российские эксперты и политики. Страх перед вероятно полной утратой контроля над Украиной вскрыл и зияющие пустоты русской идентичности, которая не в состоянии существовать в чисто русской форме, но склонна мимикрировать под разного рода имперские проекты.

Иными словами, не отделив Украину, не признав факта ее ампутации от имперского тела России, политические элиты РФ нанесли удар собственно русскому проекту, существенно замедляя его модификацию в виде создания гражданской/политической нации и национального государства. Эти имперские фобии российских элит перед вызовами, которые могут потенциально исходить от национальных проектов в постсоветских государствах актуализируют вопрос и о современных центрах мировой политики, то есть ставят проблему статуса как России, так и США, которые усиленно российскими СМИ на современном этапе воображаются в качестве универсального Другого. Вероятно, как российскому, так и американскому обществу, аналитическим сообществам и политическим элитам еще предстоит осознать то, что ни США, ни Россия в наступившем столетии уже не смогут претендовать на единоличный статус единственных сверхдержав.

Предварительные итоги. Подводя итоги, во внимание следует принимать ряд факторов. История не завершилась в XX веке, далека она от своего завершения и в XXI столетии. Современное мировое влияние США и «растущая» роль в международных делах Российской Федерации – явления в значительной степени воображаемые, усиленно производимыми СМИ, нежели объективная политическая реальность. На фоне этих российско-американских игр не разума, но преимущественно политического, точнее – политизированного, во-

ображения не так заметен процесс выдвижения новых лидеров пока не мирового, но регионального развития. В свою очередь влияние России и США будет обречено на неизбежную редукцию, своеобразную регионализацию, в рамках которой РФ и США станут региональными державами подобными, например, современным Бразилии и КНР, которые, наоборот, будут претендовать на мондиализацию своего влияния, трансформацию в число мировых лидеров. С другой стороны, на современном этапе подобная перспектива в доминирующих версиях политического воображения как в США, так и в РФ представляется нереалистичной и маргинальной.

При этом не следует забывать, что символистический политический капитал, которым владеют США и РФ, позиционируя себя в качестве лидеров мирового развития, имеет тенденцию к постепенной эрозии, размыванию и разрушению, что связано с дискурсивной природой современных международных отношений, которые нередко основаны на воображаемых ролях, изобретаемых традициях или уже изобретенных политических практиках и ритуалах. Подобно тому как в начале XX века незыблемыми, устойчивыми и стабильными казались европейские континентальные империи – так и ранняя современность XXI столетия может быть озаменована значительными трансформациями как воображаемых карт политических пространств, так и сменой лидеров, которые эти пространства воображают, наделяя мировую политику ритуальным политическим капиталом при помощи разного рода дискурсивных и коммуникационных практик и стратегий.

Библиография

- Акопов П. (2014), *Великая наша держава. Почему американский президент считает Россию региональной державой*, «Взгляд. Деловая газета», 26 марта, <http://www.vz.ru/politics/2014/3/26/679114.html>.
- Жубара А. (2005), *Идея конца истории: Вл. Соловьев и А. Кожев, Владимир Соловьев и культура Серебряного века: К 150-летию Вл. Соловьева и 110-летию А.Ф. Лосева*, Наука М.:) с. 397–401.
- Обама: «Региональная держава» с ее вечными «загогулинами», http://www.inopressa.ru/article/26Mar2014/inotheme/obama_ukr.html.
- Простаков С. (2013), *Нация – это ежедневный плебисцит*, «Русская планета», 17 ноября, <http://rusplt.ru/policy/natsiya--eto-ejednevnyiy-plebistsit.html>.

- «Россия угрожает соседям из-за своей слабости»: Обама назвал Россию «региональной державой», http://www.gazeta.ru/politics/2014/03/26_a_5964889.shtml.
- Blake A. (2014), *Obama says Russia is just a 'regional power'. The American people disagree*, "Washington Post", March 25, <http://www.washingtonpost.com/blogs/the-fix/wp/2014/03/25/obama-says-russia-is-just-a-regional-power-the-american-people-disagree/>.
- Creutzfeldt B. (2013a), *Pinar Bilgin Non-Western IR, Hybridity, and the One-Toothed Monster called Civilization*, "Theory Talks", no. 61, <http://www.theorytalks.org/2013/12/theory-talk-61.html>.
- Creutzfeldt B. (2013b), *Siba Grovogui on IR as Theology, Reading Kant Badly, and the Incapacity of Western Political Theory to Travel very far in Non-Western Contexts*, "Theory Talks", no. 57, <http://www.theory-talks.org/2013/08/theory-talk-57.html>.
- Creutzfeldt B. (2014), *Siddharth Mallavarapu on International Asymmetries, Ethnocentrism, and a View on IR from India*, "Theory Talks", no. 63, <http://www.theorytalks.org/2014/02/theory-talk-63.html>.
- Dickey Ch., Detmer J. (2014), *Obama's Nuclear Summit Aimed to Stop Terrorists. Now Putin's the Issues*, «The Daily Beast», March 25, <http://www.thedailybeast.com/articles/2014/03/25/obama-s-nuclear-summit-aimed-to-stop-terrorists-now-putin-s-the-issue.html>.
- Etzioni A. (2013), *The Devolution of American Power*, "The Fletcher Forum of World Affairs", vol. 37, no. 1, p. 13–34.
- Flemes D. (2007), *Conceptualising Regional Power in International Relations: Lessons from the South African Case*, "Working Papers German Institute for Global and Area Studies", no. 53.
- Kappel R. (2010), *On the Economics of Regional Powers: Comparing China, India, Brazil, and South Africa*, "Working Papers German Institute for Global and Area Studies", no. 145.
- McDonald-Gibson Ch. (2014), *Ukraine crisis: Russia is a regional power – but US is most powerful nation in the world, Obama warns Putin*, "The Independent", March 26, <http://www.independent.co.uk/news/world/europe/russia-cannot-hope-to-match-global-might-of-america-says-barack-obama-in-warning-to-vladimir-putin-9215305.html>.
- Schouten P. (2008), *Peter Katzenstein on anti-Americanism, Analytical Eclecticism and Regional Powers*, "Theory Talks", no. 15, <http://www.theorytalks.org/2008/08/theory-talk-15.html>.
- Schouten P. (2008b), *Immanuel Wallerstein on World-Systems, the Imminent End of Capitalism and Unifying Social Science*, "Theory Talks", no. 13, <http://www.theorytalks.org/2008/08/theory-talk-13.html>.
- Schouten P. (2012), *Jean Francois Bayart on Globalization, Subjectification, and the Historicity of State Formation*, "Theory Talk", no. 47, <http://www.theorytalks.org/2012/02/theory-talk-47.html>.

Dyskursywne i wymaginowane problemy we współczesnej polityce światowej

Streszczenie

W XX wieku w badaniach polityki globalnej dominowały formalne teorie stosunków międzynarodowych. Upadek europejskich imperiów, ideologiczny podział świata, dwie wojny światowe, współzawodnictwo systemów autorytarnych i liberalnych, wreszcie kryzys i upadek reżimów socjalistycznych spowodowały konieczność weryfikacji teoretycznego podejścia do badań stosunków międzynarodowych. Upadek Związku Radzieckiego umocnił złudzenie końca historii i triumfu odniesionego przez uniwersalne wartości liberalizmu, praw i wolności człowieka. Jednak konflikty o podłożu narodowościowym, religijnym i etnicznym z ostatniej dekady XX w. i pierwszej dekady XXI w. położyły kres liberalnym nadziejom i optymizmowi. Metodologiczne i teoretyczne przekształcenia nauk humanistycznych w drugiej połowie XX w. doprowadziły do erozji tradycyjnej wiedzy o polityce światowej, a kategorie „dyskursu”, „wyobraźni” i „wynałazku” stały się uniwersalnymi narzędziami jej analizy. Autor analizuje aktualne procesy międzynarodowe w kontekście wyobraźni politycznej. Analizie poddany zostaje aktualny – deklarowany i wyobrażony – status Stanów Zjednoczonych i Rosji. Polityka światowa zostaje wyobrażona w kategoriach dyskursu. Dominacja zachodniego centryzmu w formalnym języku politycznym, jakim posługują się obecne supermocarstwa, sprzyja wyłonieniu nowych, uprzednio ignorowanych aktorów. Proces wyobrażania i odkrywania owego świata nie dobiegł końca, a liczba wiodących aktorów światowej rozgrywki pozostaje zmienna.

Discursive and imagined problems of modern global politics

Summary

Formal theories of international relations in the 20th century dominated in the studies of world policy. The collapse of the European continental empires, ideological separation of the world, two world wars, competition of authoritarianism and liberalism, crisis and fall of the socialist regimes all contributed to the revision of theoretical approaches in international relations studies. The collapse of the Soviet Union strengthened the illusion of the end of history and the triumph of universal values of liberalism, human rights and freedoms. The nationalistic, religious and ethnic conflicts of the 1990s and 2010s destroyed the hopes and optimism of liberals. The methodological and theoretical transformations of the humanities in the second half of the 20th century led to the erosion of traditional forms of knowledge about world policy, and the categories of ‘discourse,’ ‘imagination’ and ‘invention’ became universal for their analysis. The author analyses current international processes in the context of political imagination. The current statuses of the US and Russia are analysed as prescribed and imagined. World politics is imagined in terms of discourse. The dominance of Western

centrism in the political, formal languages of the contemporary superpowers promotes the emergence of new actors which were earlier ignored. The process of the imagination and invention of the modern world is incomplete, and the numbers of the world's leading actors are still unstable.